

Фишман Л.Г. «Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению? // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 70-82. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_70

УДК 32.019.5

DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_70

«Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению?

Леонид Гершевич Фишман

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: lfishman@yandex.ru

*Поступила в редакцию 23.05.2024, поступила после рецензирования 15.07.2024,
принята к публикации 05.09.2024*

Статья посвящена трансформации отношения в России к «культуре отмены», зародившейся на Западе. До недавних пор превалировали негативные оценки, чему в немалой степени способствовал ряд феноменов, характерных для «культуры отмены». Среди них следует особо отметить страх; распространение отчуждения вплоть до прямого предательства со стороны коллег, близких, знакомых; самоутверждение за счет жертв; практики публичного самоуничтожения. Другая причина – наличие у России своего опыта «культуры отмены», что обусловило настороженное и негативное отношение к ней. Преобладающая в России оценка «культуры отмены» способствует игнорированию ее некоторых ключевых аспектов, а также некритической рецепции утрированной оценки данного феномена западными критиками право-консервативной («республиканской») ориентации. В основе западной «культуры отмены» лежат серьезные предпосылки, неустранимые в любом обществе, где имеют место двойные стандарты. Она фокусирует внимание на влиятельных и богатых, начиная с медиаперсон и заканчивая брендами и компаниями. В этом отношении она имеет ярко выраженный эгалитарный и демократический аспект. В России в последнее время оценки «культуры отмены» с почти исключительно негативных начинают меняться на умеренно позитивные. Например, отмена концертов ряда артистов за их подлинную или приписанную им антипатриотическую позицию подается как проявление «культуры отмены», в осуществлении которой задействовано российское гражданское общество. Апологетика действий внешне напоминает таковую на Западе. Начинаются апелляции к демократическому аспекту «культуры отмены», который ранее вызывал настороженное отношение. В таком виде «культура отмены» может восприниматься политическими элитами как безопасный и контролируемый феномен. Однако, по мнению автора статьи, в российских условиях

© Фишман Л.Г., 2024

моральные и иные издержки, связанные с его распространением, представляются неприемлемыми.

Ключевые слова: «культура отмены», гражданское общество, свобода слова, двойные стандарты, моральные издержки

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

Cancel Culture in Russia: From Rejection to Limited Application?

Leonid G. Fishman

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

E-mail: lfishman@yandex.ru

Received 23.05.2024, revised 15.07.2024, accepted 05.09.2024

Abstract. The article deals with the evolving attitudes towards cancel culture in Russia, a phenomenon that originated in the West. Until recently, negative assessments prevailed, largely due to several features inherent in cancel culture. Notably, among these are fear; the spread of alienation up to direct betrayal by colleagues, relatives, and acquaintances; self-affirmation at the expense of victims; and practices of public self-deprecation. Another reason was Russia's own historical experience of cancel culture, which fostered a wary and negative attitude towards it. The dominant view of cancel culture in Russia contributes to the overlooking of some of its key aspects, as well as the uncritical reception of exaggerated critiques from Western right-wing conservative ("republican") reviewers. There are serious premises at the heart of Western cancel culture that cannot be eliminated in any society where double standards exist. Cancel culture directs its attention toward the powerful and wealthy, from media figures to brands and companies. In this regard, it has a distinctly egalitarian and democratic aspect. In Russia, assessments of cancel culture have recently shifted from being overwhelmingly negative to more moderately positive. For example, the cancellation of concerts by certain artists for their real or perceived anti-patriotism is framed as the application of cancel culture to them, with Russian civil society involved. The justifications for these actions resemble those seen in the West. Appeals to the democratic aspect of cancel culture, which were previously met with skepticism, are now emerging. In this form, cancel culture may be seen by the political elite as a safe and controllable phenomenon. However, the author of the article believes within the Russian context, the moral and other costs associated with the spread of cancel culture seem unacceptable.

Keywords: cancel culture, civil society, freedom of speech, double standards, moral costs

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00427, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00427/>

For citation: Fishman L.G. Cancel Culture in Russia: From Rejection to Limited Application? *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 70-82. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_70

Специфика российского взгляда на «культуру отмены»

В России западная «культура отмены» нередко представляется в гипертрофированно карикатурном свете, как извращение в ряду других извращений. Политика удаления имен, университетских курсов, выносов бюстов и так далее, с точки зрения российского наблюдателя, может производить впечатление безумия или недалёковидности. Как писал Э. Ренан, для формирования нации оказывается не лишним забывание некоторых моментов истории, особенно связанных с насилием или иным образом проявляющейся дискриминацией одной части нации по отношению к другой¹. Но набравшая популярность в США «культура отмены» строится как раз на отрицании такого забвения: на общенациональном уровне, например, сносятся памятники героям Конфедерации, на индивидуальном – журналистке припоминаются написанные десять лет назад «старые антиазиатские и гомофобные твиты»². Кажущаяся чрезмерной обидчивость и вытекающие из нее преследования за неосторожно сказанные фразы (например, цитирование литературных источников, в которых употребляется табуированное «слово на букву N») ведут к исключению из обсуждения важной исторической проблематики. Но политика по принципу «с глаз долой – из сердца вон» ведёт, с точки зрения стороннего наблюдателя, к утрате исторических корней: народ, забывающий прошлое, лишается будущего.

Поэтому в России по отношению к западной (преимущественно американской) «культуре отмены» до недавних пор преобладали негативные оценки – от сдержанных академических до эмоционально-публицистических. Например, констатировалось, что снос памятников лидерам Конфедерации свидетельствует о сервиллизме ряда американских интеллектуалов, которые стремятся не допустить появления и развития конкурирующих интерпретаций и институционализировать свою версию исторической памяти о Конфедеративных Штатах Америки через ликвидацию политически нежелательных монументов (Кирчанов 2017: 72-73). Другие описывали происходящее в категориях крушения всего казавшегося «нормальным, незыблемым, само собой разумеющимся». «Прогрессивисты» «изничтожают думающих и живущих иначе. <...> Уже первые картины этой новой Америки напоминают наступление армии зомби, которые должны либо превратить всех в себе подобных, либо уничтожить (заставить смириться, вычеркнуть из общественной жизни). Победитель в этой игре, цель которой – сломать через колено народ, получит все. Или ничего... Американская культура отмены – это антикультура, нацелившаяся на “от-

¹ Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 г. // Lib.ru: «Классика». 26.10.2014. URL: http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chto_takoe_natzia.shtml (дата обращения: 20.05.2024).

² «Мне дали понять, что я не человек». Как работает «культура отмены» в США // Завтра. 11.02.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/mne_dali_ponyat_chno_ya_ne_chelovek_kak_rabotaet_kul_tura_otmeni_v_ssha?ysclid=lsa93t4bgq639386005 (дата обращения: 20.05.2024).

мену» вида Человек разумный»³. Третьи совмещали эмоциональный накал с академической формой изложения, в результате чего западная «культура отмены» становилась частью стратегии разрушения фундаментальных человеческих ценностей и оказывалась в одном ряду с «новой этикой», атомизацией общества, уничтожением естественных семейных уз, ювенальной юстицией, сексуальными меньшинствами, чипированием детей, инцестом, некрофилией и запретом на полноценное воспитание и образование молодежи (Боровков 2023: 21). Результатом понимаемой подобным образом «культуры отмены» предстает «дивный новый мир», где отменено все: мужчина и женщина, нация и государство, вера и нравственность (Боровков 2023: 22).

Словом, в России сформировалось негативное и ернически-ироническое отношение к «культуре отмены». Этому в немалой степени способствовал ряд характерных для нее феноменов, среди которых следует особо отметить страх; распространение отчуждения вплоть до прямого предательства со стороны коллег, близких, знакомых; самоутверждение за счет жертв; публичное самоуничижение.

Действительно, «культура отмены» сопровождается формированием *атмосферы страха*. Раскручивается «спираль молчания», людьми овладевает страх изоляции, который определяет общественное мнение. Люди склонны скрывать свое мнение, когда думают, что, выразив его, они подвергнут себя изоляционному давлению. В результате возникает спиральная динамика, заставляющая умолкнуть определенные мнения. Т. Садаба и М. Эрреро отмечают, что атмосфера страха, создаваемая коллективами в социальных сетях, порождает культуру, в которой идеи и мнения некоторых ученых замалчиваются (Sádaba, Herrero 2022: 319).

Другой компонент порождаемой «культурой отмены» атмосферы – отчуждение от жертвы вплоть до прямого *предательства* со стороны близких, друзей, коллег и знакомых. Нередко это отчуждение оправдывается высокими идеологическими и моральными соображениями. Конечно, в случае практики отмены ситуация далеко не всегда столь драматична, что дело доходит для прямого предательства. Тем не менее даже простое отчуждение, отказ от общения, осуществление каких-либо санкций на бытовом уровне, в профессиональной деятельности и так далее – феномены, находящиеся в одном ряду с предательством, поскольку оставляют человека в ситуации крушения ожиданий как от достаточно близких людей, так и от тех, кого он, по крайней мере, не считал своими врагами. Также может идти речь о предательстве некоторых норм и идеалов, например, академической свободы в случае с увольнением профессора, неосторожно употребившего слово «ниггер», под давлением борцов с расовой дискриминацией (Gondringer 2021: 27). В то же время для самих «предателей» ситуация отчуждения

³ Кудрявцев В. Культура отмены – Америка формирует новый человеческий вид. Армия зомби в наступлении // Фонд стратегической культуры. 15.03.2021. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/03/15/kultura-otmeny-amerika-formiruuet-novyj-chelovecheskij-vid.html> (дата обращения: 20.05.2024).

не слишком дискомфортна, поскольку все их предательство обычно заключается в молчании (как это было с немцами по отношению к евреям в нацистской Германии; в СССР по отношению к жертвам сталинских репрессий, в США по отношению к лицам, обвиненным в антиамериканской деятельности в эпоху маккартизма, и т.д.).

Аналогичным образом сегодня там, где сформировалась «культура отмены», имеет место такое же «предательское» отчуждение большинства от жертв. Активное же меньшинство испытывает удовлетворение и радость от травли или наглядного достижения справедливости. Оно *самоутверждается за счет объекта отмены*, ощущая себя моральными героями и нередко испытывая садистское наслаждение. «Культура отмены» нацелена всегда на конкретных персон или бренды в силу невозможности искоренить какое-то явление (вроде «системного расизма») в целом. Это дает участникам акций и кампаний за отмену чувство удовлетворения, повышает социальный статус человека, открывает новые возможности для продвижения вверх, унижая других, и «служит сильной психологической мотивацией для некоторых людей» (Placio, Vargas, Estigoy 2021: 543). Показательно, что самоутверждение зачастую происходит за счет слабых. Как выразился один из отечественных авторов, «несколько сотен закэнселенных по всему миру в основном из числа знаменитостей второго и третьего эшелонов, потому что тех, кто в первом, трогать невыгодно»⁴. К. ван Экке по этому поводу замечает: «Отмена – подлая тактика. Это форма правосудия толпы, которая любит охотиться на легких жертв. <...> Жертвы отмены и публичного позора также выбираются по их уязвимости. <...> Толпа... тщательно отбирает своих жертв из рядов чувствительных – либерально настроенных людей, которые привержены прогрессивным ценностям и которые боятся, что их назовут расистами или сексистами, и чувство идентичности которых в значительной степени зависит от преданности ценностям инклюзии и толерантности»⁵. Именно такие относительно слабые жертвы и принуждаются к *публичным покаяниям* и извинениям, что в итоге их обычно не спасает.

Все перечисленные выше феномены, сопровождающие «культуру отмены», нам хорошо знакомы. До известной степени можно утверждать, что в России она не получила широкого распространения именно поэтому. Мы без труда можем провести аналогии с известными периодами отечественной истории, с практиками, по поводу желательности возвращения которых не достигнуто консенсуса. С определенной точки зрения «у России был свой опыт “культуры отмены”, имевший место задолго до появления этого термина. Примерами могут служить “отмены” отдельных деятелей политики и культуры – писателей, художников, музыкантов, актеров и т.д.; в со-

⁴ Байков А. Нет, «культура отмены» не новый институт репутации // Москвич Mag. 26.05.2021. URL: <https://moskvichmag.ru/lyudi/net-kultura-otmeny-ne-novyy-institut-reputatsii/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁵Eecke C. van. The Good Death – Cancel Culture and the Logic of Torture // Quillette. 09.09.2021. URL: <https://quillette.com/2021/09/09/the-good-death-cancel-culture-and-the-logic-of-torture/> (дата обращения: 20.05.2024).

ветское время из учебников изымались страницы с описанием опальных политиков, из общедоступного оборота исключались их сочинения и связанные с ними видеоматериалы. В более поздний период “под запрет” попадали фильмы с участием “отмененных” актеров, – например тех, кто в советское время эмигрировал за границу (С. Крамаров, О. Видов, Л. Круглый)... Сюда же можно отнести и снос памятников – после Октябрьской революции 1917 г. или транзита власти в более поздние периоды. Данные “отмены” поначалу имели составляющую стихийного протеста; однако затем они проводились планомерно, и были инициированы “сверху”, то есть не “народом”, от лица которого провозглашались, а от лица государственных структур» (Хлыщева, Тихонова 2023: 107).

Было бы преувеличением утверждать, что «культура отмены» в том смысле, в котором термин используется сейчас, является пройденным этапом отечественной истории. Однако некоторые феномены, схожие с теми, что сопровождают западную «культуру отмены», имели место и у нас. Поэтому она отражается в зеркале отечественной исторической памяти и политического опыта правящей элиты. Экзистенциалы, сопровождающие «культуру отмены», вызывают воспоминания о 1937 г. Кампании в соцсетях, в силу своей массовости, напоминают о полумифических «миллионах доносов». Неконтролируемое самоистребление периода Большого террора прочно отложилось в исторической памяти номенклатуры. Поэтому нечто напоминающее о нем сдержанно встречается представителями власти. В этом контексте шельмование западной «культуры отмены» – одна из стратегий контроля активности российского гражданского общества. Власть, охраняя свою монополию на символическое насилие, не дает слишком далеко уйти даже тем видам лояльной активности, которые напоминают западную «культуру отмены», пусть она и направлена в сторону актуальной или потенциальной пятой колонны. По этой же причине у власти нет оснований поощрять «культуру отмены» среди так называемых турбопатриотов: она может уйти дальше допустимого.

Все сказанное выше не означает, что преобладающая в России оценка «культуры отмены» полностью объективна, поскольку таковой не может быть никакая оценка, детерминированная *собственным* историческим опытом. Оценка с позиции российского исторического опыта (не говоря уже о потребностях политической конъюнктуры), конечно, дает известные преимущества взгляда со стороны, но она же способствует игнорированию некоторых аспектов, а также некритической рецепции искаженной, утрированной оценки «культуры отмены» западными критиками вполне определенной идеологической ориентации. В частности, в силу обстоятельств отечественной истории конца XX – начала XXI в. у нас сложилось скептическое отношение к радикальным способам достижения социальной справедливости. В США же «культура отмены» идеологически питается различными ответвлениями философии неомарксизма, а ее адепты провозглашают себя сторонниками социальной справедливости. Но у нас ассоциирующиеся с достижением социальной справедливости экзистенциалы и феномены вызывают отнюдь не только позитивные ассоциации. Также сказывается

страх элиты перед демократическими аспектами «культуры отмены», на которых стоит остановиться подробнее.

**«Культура отмены» в США:
демократические и этические аспекты**

Условно «республиканская» точка зрения на «культуру отмены», которой у нас придерживается большинство пишущих на данную тему, уже является «анекдотической версией» и следствием «преобладания стереотипов и карикатур», характерных для атмосферы американских дебатов (Coleman 2022: 213). В глазах консерваторов она сводится к растущему замалчиванию голосов противников, бросает вызов гегемонии либеральных ценностей во многих культурных пространствах, особенно в академических кругах. Тем самым она ограничивает свободу слова, усиливая социальное давление с целью идеологического конформизма, способствуя интеллектуальной изоляции в «пузырях» группового мышления, сегрегации по принципу «мы – они», академической нетерпимости и самоцензуры (Norris 2020).

Однако, с точки зрения оппонентов, паника по поводу «культуры отмены» по своей сути реакционна. Так, М. Хоббс утверждает, что она является реакцией консервативных элит, которые, будучи напуганы изменением социальных норм и ускоряющейся сменой поколений, пытаются превратить свое чувство обиды в национальный кризис. С этой точки зрения крики о «культуре отмены» представляются истерикой и моральной паникой сильных мира сего. На протяжении десятилетий американские средства массовой информации контролировались крошечной группой «прихватчиков» – редакторов, которые искренне верили, что если они сочтут какое-либо мнение не заслуживающим обнародования, то так оно и будет. Сейчас они обескуражены происходящим и хотят представить дело таким образом, что «те, кто выступает против несправедливости, эквивалентны самой несправедливости»⁶. С позиции активистов кампаний в пользу отмены кого-либо или чего-либо, вообще не существует такого понятия, как «культура отмены», есть только свобода слова. Как заявил американский журналист Ч. Блоу, «вы можете говорить и делать все, что заблагорассудится, а другие могут выбрать никогда больше не иметь дела с вами, вашей компанией или вашей продукцией. Богатые и влиятельные просто расстроены тем, что массы теперь могут организовать свое несогласие» (цит. по: Coleman 2022: 209).

Люди, находящиеся по другую сторону баррикад, полагают, что в ряде случаев объекты «культуры отмены» чрезмерно снисходительны к себе на основании того, что их высказывания – «всего лишь слова». Однако они выглядят безобидными только в пределах дискурса, в котором важен лишь говорящий, тогда как сами слушатели остаются невидимыми и не учиты-

⁶ Hobbes M. Don't Fall for the 'Cancel Culture' Scam // HuffPost. 10.07.2020. URL: https://www.huffpost.com/entry/cancel-culture-harpers-jk-rowling-scam_n_5f0887b4c5b67a80bc06c95e (дата обращения: 20.05.2024).

ваются (Coleman 2022: 231). Но это выглядит лицемерием в глазах тех, для кого столетиями такие «просто слова» были частью повседневной дискриминации, при которой их жизни подвергались прямой угрозе. Распространенная у нас ирония по поводу «культуры отмены» имеет основание с точки зрения опыта народа, у которого в прошлом главным фактором раскола было классовое деление и не имело ключевого значения деление на привилегированных и угнетенных по признаку расы. Американское же общество сформировалось во многом как национально-расовая пирамида, когда вновь прибывшая (не всегда добровольно) национальная или расовая группа занимает нижнее место в социальной иерархии. Затем она постепенно поднимается из полукриминальной сферы в легальную, как негры и латиноамериканцы. Для расово и религиозно близких подъем облегчается. Они, подобно евангельскому фарисею, могут ежедневно благодарить Бога за то, что отличаются от тех, кому не повезло с расой и цветом кожи. Для самых нижних, расово и культурно далеких, подъем по социальной лестнице ежедневно, ежечасно сопровождается бытовой или законодательно закрепленной дискриминацией, которая, с точки зрения дискриминирующих, выглядит как «всего лишь слова».

В итоге, когда «плавильный котел» ослабевает, замещаясь «салатом», выясняется, что единой американской нации на самом деле нет. Более того, оказывается, что нечто, называвшееся ею, с ряда точек зрения никогда не существовало. То, что казалось таковым, с самого начала было фактически построено на угнетении одной, ныне слабеющей, нацией других, отличающихся по культуре и цвету кожи. Поэтому то, что для одних есть безусловная ценность свободы слова, для других – свобода слова для «белого человека». На бытовом уровне она подразумевает в том числе свободу *привычно унижать и оскорблять* целые категории людей, зная, что никакой ответственности за это не будет (в отличие от попыток унижения и оскорбления равных) (Coleman 2022: 240-241). Поэтому «республиканскому» дискурсу свободы слова противопоставляется дискурс культуры последствий. И в его рамках свобода слова выглядит таковой только с точки зрения говорящих, потому что реальные издержки (психический и экономический вред, физическое насилие) несут слушатели. «При этом эмоциональная энергия и способности маргинализированных существ постоянно истощаются, поэтому привилегированные могут свободно говорить, не обращая внимания на воздействие своих слов» (Coleman 2022: 240).

Вопреки распространенному мнению, активисты «культуры отмены» обычно не придерживаются ценностей, сколько-нибудь значительно отличающихся от ценностей большинства, и в данном отношении не являются субъектами какой-то мифической «антикультуры». Суть стратегии отмены в том, чтобы нанести удар по двойным стандартам, заставить это самое большинство соблюдать собственные либерально-эгалитарные моральные нормы. В них, самих по себе, нет ничего такого, с чем представители истеблишмента могут позволить себе открыто не согласиться. Большинство (в том числе в России), будучи в здравом уме и твердой памяти, согласится с тем, что люди по природе равны и заслуживают уважения вне зави-

симости от пола, расы, цвета кожи. Проблема заключается в том, что хотя эти нормы были формально приняты десятилетия (если не столетия) назад, на практике они соблюдались не в полном объеме. И уж тем более на словах, в быту, в повседневности было обычным делом допускать разного рода оскорбительно-пренебрежительные высказывания по поводу негров, женщин, геев и т.д. Более того, поскольку такие высказывания для многих являлись важнейшим признаком собственной нормальности и первосортности, за это никак не осуждали и не наказывали. Это господство двойных стандартов, подпитывающее такое понимание реальной нормативности либерального общества, и есть то, что в дискурсе сторонников «новой этики» называется «системным расизмом». И касается оно отнюдь не только расы, но и вообще всякого рода лицемерия и самоутверждения за счет «низших» и «второсортных» под прикрытием свободы слова.

В пользу «культуры отмены» говорит и то, что она не только предполагает бойкот людей и продуктов, но и учит ответственности, поднимает социальные проблемы через широкую виртуальную платформу (Placio, Vargas, Estigoy 2021: 540). Также она играет большую роль в формировании личностной идентичности тех, кто строит ее на «дистанцировании от грязи», ассоциирующейся с определенными личностями или брендами⁷.

Наконец, следует учитывать, что воздействие «культуры отмены» зачастую преувеличено. Критики, подчеркивающие притеснение тех, кого отменяют, зачастую не учитывают контекста дисбаланса сил, в котором происходят отмены, а также крайнюю маловероятность того, что отмена для действительно богатых и влиятельных будет иметь долгосрочные негативные последствия. В большинстве случаев шум затихает без значительных последствий, «а влияние активизма быстро растворяется в море информации, распространяемой на платформах социальных сетей»⁸.

Следует еще раз напомнить, что основанием «культуры отмены» является стремление к восстановлению социальной справедливости. Это чуждо западным критикам правоконсервативной ориентации, а значит, и «классово близким» отечественным порицателям, которые просто повторяют аргументы своих вдохновителей. Западная «культура отмены», как она выглядит «снизу», фокусирует свое внимание на влиятельных и богатых, начиная с медиapersон и заканчивая брендами и компаниями. У нас нечто похожее на «культуру отмены», если бы ей дали развиваться, тоже фокусировалось бы на личностях, чье обладание богатством и влиянием тесно ассоциируется с социальной несправедливостью (например, с сохраняемым годами монопольным положением на эстраде). Оно бы проявлялось в русле своего рода

⁷ Smajlovic J., Åhl F. 2021. Distancing From Dirt: A Qualitative Study on How Cancel Culture Has Become a Resource for Identity Construction in an Online Setting (Master Thesis) // Lund University. URL: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=9057801&fileId=9057858> (дата обращения: 20.05.2024).

⁸ Álvarez Trigo L. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters // PopMeC Research Blog – US Representations in Popular Media and Culture. 25.09.2020. URL: <https://popmec.hypotheses.org/3041> (дата обращения: 20.05.2024).

«ресентимента бедных» (Фишман 2022), который мы и замечаем в высказываниях в блогах и соцсетях по поводу тех или иных артистов.

Иными словами, с точки зрения апологетов «культуры отмены» или тех, кто пытается оценить ее объективно, последняя выглядит не столь карикатурно-угрожающе. У нее есть серьезные основания, укорененные как в американских реалиях, так и вообще в любом обществе, где процветают двойные стандарты. Питающий ее моральный импульс отвержения либерального лицемерия и пронизывающих американские реалии двойных стандартов сопоставим с аналогичным импульсом, имевшим место, например, у наших народников и иных революционеров. И если результаты их деятельности нельзя оценить однозначно в отношении ставшей ее следствием суммы добра и зла, то резонно подходить с той же меркой к «культуре отмены».

«Культура отмены» как опасный соблазн

С новым витком противостояния России и Запада восприятие «культуры отмены» как чего-то внешнего, чего не может у нас быть и что должно быть безусловно осуждено, укрепилось в связи с попытками «отменить Россию». Поскольку нашу страну попытались подвергнуть своего рода «цивилизационному остракизму» (Багдасарян и др. 2023), «культура отмены» стала описываться как infernalная «антикультура», отменяющая все другие культуры и создающая тем самым предпосылки для формирования «антицивилизации». Она ассоциируется в первую очередь с политикой, направленной на унижение и поражение России, а также других противников западной цивилизации (Багдасарян и др. 2023: 14). Однако, как отмечает Е.Г. Энтина, «“отмена” Западом России в глазах большинства стран мира стала возвеличиванием объекта. На практике получается, что так называемому коллективному Западу приходится пускать в ход все силы и ресурсы, чтобы ослабить Россию. Тем самым он сделал ее в глазах не-Запада, по сути, равновеликой себе» (Энтина 2022: 106).

В то же время с началом специальной военной операции наметилась следующая тенденция: оценки «культуры отмены» с почти исключительно негативных начинают меняться на умеренно позитивные. Отмена концертов ряда артистов за их подлинную или приписанную им антипатриотическую позицию подается как проявление «культуры отмены», в осуществлении которой задействовано гражданское общество. Апологетика действий напоминает таковую на Западе. Начинаются апелляции к демократическому аспекту, который ранее вызывал настороженное отношение. Так, один из блогеров, описывая позицию ставших объектами отмены медиаперсон, отмечает, что «их приучали к мысли, что именно их мнение чего-то значит. Не мнение миллионов простых людей, а вот этих ребят, живущих в каком-то своем закрытом от посторонних посетителей мире. И нет ничего удивительного в их современном поведении. Как раз наоборот, оно логично, и было бы странно, если бы все эти деятели культуры вели себя иначе. Ведь все, что сейчас происходит, не укладывается в их картину мира. Как это так

вышло, что они учили-учили нас своим взглядам, но внезапно мы не стали прислушиваться. Более того, появилось гражданское общество, которое начало требовать от государства уважения к себе и наказания вот этих деятелей»⁹. Другой блогер рассуждает следующим образом: «Имеет ли право артист, который осуждает Россию, выступать с концертами в ее городах? Да, имеет. Имеют ли право российские города отменять эти концерты? Тоже имеют. Принцип взаимности никто не отменял. Но вспомнили о нем совсем недавно. Не прошло и двух лет, так сказать... Многие звезды сокрушались, что “в России нет гражданского общества”, народ темен и нецивилизован. А оказалось, что гражданское общество у нас очень даже есть, и оно не хочет, чтобы здесь выступали гости из США. Не время сейчас... И надо добавит, что те, кто привык восхищаться западом, должны понять, что у нас тут самая настоящая цивилизованная страна: всё, как в европах. Гражданское общество есть (то, которое просит концерты отменить), свобода слова есть – что хочешь, то и говори. Культура отмены тоже есть! А в Европе это главное. Не разделяешь наши ценности? Сиди без денег и не отсвечивай»¹⁰.

Несмотря на то, что в подобного рода рассуждениях отсылки к российскому гражданскому обществу имеют отчетливый иронический подтекст, они отражают одну из важнейших черт «культуры отмены». Гражданское общество само по себе нигде никого отменить не может: для этого ему требуется содействие или молчаливое попустительство органов власти, работодателей, судебной-правовой системы. «Общественность», выступающая от лица большинства россиян, может писать сколько угодно обращений, но они обретают силу только в случае солидаризации с ними властей хотя бы муниципального уровня¹¹.

Если в России сейчас и формируется некий эквивалент «культуры отмены», то соответствующий распространенным у нас карикатурным представлениям о ней. Это «культура» довольно узкого круга активистов, преследующая в первую очередь относительно слабых и боящаяся связываться с сильными и ресурсными персонами, всегда действующая с оглядкой на властей предрержащих. «Культура отмены» в таком адаптированном виде может использоваться в качестве одного из инструментов управления настроениями российского общества, не вызывая опасений, что выйдет из-под контроля. Однако всегда следует помнить, что даже в этом случае она имеет ряд издержек, связанных со «спиралью страха», отчуждением, публичным унижением и покаяниями, чувством безнаказанности, возникающим при самоутверждении за счет тех, кто не может оказать сопротивление. Будет ли все это способствовать морально-политическому оздоровлению общества – отдельный вопрос.

⁹ Утомленная Россией интеллигенция // Дзен. 06.02.2024. URL: <https://dzen.ru/a/Zb9BSfw3X3D35VoS> (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁰ Культура отмены концертов // Дзен. 27.02.2024. URL: https://dzen.ru/a/Zdzj_c5NKkyf79II (дата обращения: 20.05.2024).

¹¹ Новикова А. «Не позволим выступать непатриотам»: в России отменяют Орбакайте и Арбенину // Газета.Ru. 07.02.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/culture/2024/02/07/18244189.shtml?updated> (дата обращения: 20.05.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Багдасарян В.Э., Василик В.В., Иерусалимский Ю.Ю. и др. 2023. «Культура отмены»: феномен цивилизационного ostracизма. Материалы экспертного круглого стола // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. № 4. С. 6-35.

Боровков М.И. 2023. Сравнительный анализ современных мировоззренческих ценностей западной и российской цивилизаций // Мегатренды мировой политики: глобализация, поляризация, экстремизм / под ред. И.К. Харичкина. Москва : МГЛУ. С. 18-25.

Кирчанов М.В. 2017. Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. № 12. С. 63-75.

Фишман Л.Г. 2022. Речи ни к кому: об эффективности критики российского ре-сентимента // Дискурс-Пи. Т. 19, № 2. С. 24-34. DOI 10.17506/18179568_2022_19_2_24

Хлыщева Е.В., Тихонова В.Л. 2023. «Культура отмены» как механизм конструирования национальной идентичности стран Каспийского макрорегиона (на примере анализа учебной литературы Казахстана и Туркменистана) // Концепт: философия, религия, культура. Т. 7, № 2. С. 104-123. DOI 10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123

Энтина Е.Г. 2022. От «отмененной России» к стране-цивилизации // Россия в глобальной политике. Т. 20, № 5. С. 98-108. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-108

Coleman F. 2022. The Anatomy of Cancel Culture // Social Science Research Network (SSRN). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4377591 (дата обращения: 20.05.2024).

Gondringer M. 2021. Cancel Culture and Cancel Discourse: Cultural Attacks on Academic Ideals // St. Cloud State University. URL: https://repository.stcloudstate.edu/eng_etds/9/ (дата обращения: 20.05.2024).

Norris P. 2020. Closed Minds? Is a 'Cancel Culture' Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // Social Science Research Network (SSRN). URL: <https://ssrn.com/abstract=3671026> (дата обращения: 20.05.2024).

Placio E.D., Vargas D.S., Estigoy M.A. 2021. Virtual Call-Out: The Aggressions and Advantages of Cancel Culture // Innovations. Iss. 67. P. 538-555.

Sádaba T., Herrero M. 2022. Cancel Culture in the Academia: The Hispanic Perspective // Methadods. Revista de ciencias sociales. Vol. 10, núm. 2. P. 312-321. DOI 10.17502/mrcs.v10i2.594

References

Bagdasaryan V.E., Vasilik V.V., Ierusalimsky Yu.Yu. et al. "Cancel Culture": The Phenomenon of Civilizational Ostracism. Expert Round Table, *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshheniya. Serija: Istorija i politicheskie nauki* [Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science], 2023, no. 4, pp. 6-35 (In Russ.).

Borovkov M.I. Comparative Analysis of Modern Ideological Values of Western and Russian Civilizations, *Kharichkin I.K. (ed.) Megatrends of World Politics: Globalization, Polarization, and Extremism*, Moscow, MGLU, 2023, pp. 18-25. (In Russ.).

Coleman F. The Anatomy of Cancel Culture, *Social Science Research Network (SSRN)*, 2022, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4377591 (accessed May 20, 2024).

Entina E.G. From "Russia Cancelled" to a Country-Civilization, *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], 2022, vol. 20, no. 5, pp. 98-108. (In Russ.). DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-108

Fishman L.G. Speeches to No One: On the Effectiveness of Russian Ressentiment Criticism, *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2022, vol. 19, no. 2, pp. 24-34. (In Russ.). DOI 10.17506/18179568_2022_19_2_24

Gondringer M. Cancel Culture and Cancel Discourse: Cultural Attacks on Academic Ideals, *St. Cloud State University*, 2021, available at: https://repository.stcloudstate.edu/eng_etds/9/ (accessed May 20, 2024).

Khlysheva E.V., Tikhonova V.L. Cancel Culture in Constructing National Identity of the Caspian Macro-Region Countries (on the Example of Textbooks in Kazakhstan and Turkmenistan), *Koncept: filosofija, religija, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture], 2023, vol. 7, no. 2, pp. 104-123. (In Russ.). DOI 10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123

Kyrchanov M.V. Historical Politics. Politics of Memory and War with Monuments in the USA, *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2017, no. 12, pp. 63-75. (In Russ.).

Norris P. Closed Minds? Is a 'Cancel Culture' Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? *Social Science Research Network (SSRN)*, 2020, available at: <https://ssrn.com/abstract=3671026> (accessed May 20, 2024).

Placio E.D., Vargas D.S., Estigoy M.A. Virtual Call-Out: The Aggressions and Advantages of Cancel Culture, *Innovations*, 2021, no. 67, pp. 538-555.

Sádaba T., Herrero M. Cancel Culture in the Academia: The Hispanic Perspective, *Methaodos. Revista de ciencias sociales* [Methaodos. Journal of Social Sciences], 2022, vol. 10, no. 2, pp. 312-321. DOI 10.17502/mrcs.v10i2.594

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0001-5062-8291;
ResearcherID: K-2346-2018;
Scopus AuthorID: 36191617100;
SPIN-код: 8725-9656;
E-mail: lfishman@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid G. Fishman

Doctor of Political Science, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0001-5062-8291;
ResearcherID: K-2346-2018;
Scopus AuthorID: 36191617100;
SPIN-code: 8725-9656;
E-mail: lfishman@yandex.ru